

476
118

Альманах
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ГРУППЫ

„ПАРУС“

3

г. Ленинск-Кузнецкий
2005

мб,

8496
П18

ПАРУС

№ 3 2005

**Альманах городской
литературной группы,
посвящается
шестидесятилетию
Великой Победы**

**Ленинск-Кузнецкий
2005**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник произведений представленных авторов, который вы держите в руках, включает в себя поэтические и прозаические вещи, наполненные глубоким чувством сопричастности и сопереживания, чувством гордости и любви к родной Отчизне.

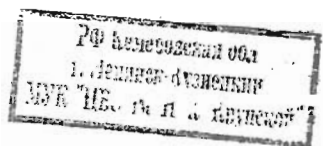
Некоторые из авторов сами прошли нелегкими дорогами войны - это Владимир Романчин и Елена Ванина. Другие же в трудные для страны годы либо работали в тылу, будучи подростками, как Таисия Берлюкова, либо были детьми, пережившими все тяготы военного лихолетья. Именно их стихи составляют большую часть альманаха. В этих стихах содержатся и яркие впечатления детства, и уже взрослое осмысление того трудного времени, когда над каждой семьей витало ощущение стучащейся в дом беды - казенной весточки со словами «погиб смертью храбрых».

Все участники альманаха - постоянные члены городской литературной группы «Парус». Некоторые из них имеют по несколько изданных поэтических книг, другие публиковались в периодических изданиях и коллективных сборниках.

Все написанное родилось в искренних сердцах. К тому же, каждое произведение - это свидетельство, документ, часть истории, веха человеческой судьбы.

74463 (2)

Г. ЗОЛОТАИНА,
член Союза писателей России.

1945-2005

шестидесятилетие
ПОБЕДЫ
в Великой
Отечественной
войне
против фашистских
захватчиков
1941-1945

Ветераны войны и труда, участники литературной группы «Парус» на встрече в ЦБС.

*С праздником
Великой Победы,
дорогие товарищи!*

9 мая 1945 года

9.5.45. У совет

С ДНЕМ
ПОБЕДЫ
ТОВАРИЩИ!

*Павел РЯЗАНОВ,
участник войны, ветеран труда*

ПАРАД 41 ГОДА

Ненастный день,
Пронизанный морозом.
На площадь Красную
Ложится белый снег.
Враг вероломный
Рвется к ней
С угрозой
Сравнять с землей
Москву навек.
Она уже фашистам зрима.
Разрывы бомб
Окраиной гремят.
Но, как всегда,
Идет неотменимый
У стен кремлевских
Воинский парад.
Бесстрашные ряды
Ведет пехота,
Проносит артиллерия стволы,
Грохочут тяжко
Танковые роты,
Накатывают конные валы.
Идут,
Верны своей
Родной державе,
Рабочие отряды,
Моряки...
С парада в бой
Уйдут бойцы:
Южане,
Дальневосточники,
Сибиряки.
За ними край
Березовый и алый.

Дом отчий.
Жены, дети, мать.
И это все,
Во чтобы бы то ни стало,
Им под Москвою
Надо отстоять.
Чеканят шаг
Сурово, величаво
Там, где вознес
Граниты Мавзолей,
Держа равнение направо,
Держа равненье
На вождей.
Идут войска -
Сплоченные колонны.
Несут бойцы
Эпоху на плечах.
Звучит в сердцах
Суровых батальонов:
Нас осеняет
Знамя Ильича!
Уходят в бой.
Никто перед врагами.
Не спрячет глаз,
Не склонит головы.
Клубится
Над граненными штыками
Морозное
Дыхание
Москвы.
Дыханье это
Мощно и глубоко.
Не дрогнула
Столица-исполин.
Ей видится
В грядущем недалеко
Поверженный,
Пылающий Берлин.

ФАШИСТЫ

Они нахлынули лавиной броневой
От волн балтийских и до Черноморья,
Под взрывы мин, под юнкерсовый вой
Бросая нас в поток смертей и горя.
Они орут: «чужой культуре в рот,
Во лбы художникам и всяческим музеям
Строчи, наш автомат и пулемет,
Все разгромим, сожжем и прах развеем.
Насилье и расизм превыше всяких вер,
Лишь нам, арийцам, блещет луч свободы.
Вперед, победоносный Вермахт и Абвер,
Мы ввергнем в рабство низшие народы.
Наш путь отмечен кровью и огнем,
Нас «Майн кампф» сплотил в единобратство.
Мы над Уралом свастику взметнем
И обретем великое богатство.
Вознес наш Рейх коричневый оплот.
Европа вся у нас под сапогами.
К владычеству нас фюрер приведет,
Над миром всем мы станем господами...»
Под танков рев, под стали свист и вой
К Москве рванулась вражеская стая.
Народом всем пошли мы в смертный бой,
Себя и мир от гибели спасая.

БОЙ В ПОДМОСКОВЬЕ

Не спится что-то перед боем.
Иль дух в землянке тесной сперт.
Или случится то с тобою,
Что не случалось до сих пор?
Но думать нет о том желанья.
Своей судьбы не избежать.
Чтоб скороталось ожиданье
Иван выходит подышать
На свежий воздух.
Снежный бруствер
Морозно блещет под луной.
Окоп иные будит чувства
И устремляет душу в бой.
Каким он будет, бой грядущий,
Попробуй мысленно измерь.
Но снова смерть среди живущих
Метаться будет словно зверь.
Над лесом медленно светает.
Заря сочится в небесах.
Так кровь из раны проступая,
Алеет на тугих бинтах.
Вот вышли танки на исходный,
Заложен в батарее гром,
Чтоб рухнуть вдруг
Во мгле холодной
Огнем и сталью над врагом.
Завоет воздух и засвищет.
В атаку с ротой вновь пойдешь,
Село, вернее пепелище,
Опять у немца отобьешь.
Увидишь вновь:
Печные трубы
Приметой бедствия стоят,
На грубой виселице трупы
Заледенелые висят.

Из погребов и из подвалов
Повыйдут женщины в слезах.
Неси, счастливый и усталый,
Их поцелуй на щеках!
Ласкай мальцов широкоглазых,
Чтоб их печаль и страх унять.
И горько так и сладко разом
Кусочек сахару им дать.
Их смерть с неволей миновали.
Ты спас их.
Ты безмерно рад!
А те, что жгли и разоряли,
В сугробном холоде лежат.
В «квартирах зимних» почивают.
Не тот им грезился уют!
Их по весне, когда протают,
«Подснежниками» назовут,
И нету в сердце состраданья
К принесшим горе и вражду,
Как нету в жизни оправданья
Убийству, пыткам, грабежу...
И вдруг хлопок -
Летит ракета
И рассыпает красный свет,
И гулкий залп ударил где-то,
И за «КВ» бежишь ты вслед.
Спешат за танками солдаты
Вперед по выпавшим снегам,
И катится, как вал девятый,
«Ура» к позициям врага.
Навстречу взрывы зачастили.
Осколки щелкают о бронь.
Но наши пушки подавили
Огнем фашистский артогонь.
Танкисты бьют по пулеметам,
По ярым высверкам огней.
И вот сближается пехота

С пехотой вражеских траншей.
Теперь, как черт, вертись
И в оба
Гляди и вовремя стреляй,
Удары с яростью и злобой
Сам наноси и отражай.
Вот встречного ты срезал пулей,
Вот кто-то дико закричал -
В кровавой сшибке, лязге, гуле
Наткнувшись сердцем на кинжал.
Перемахнул Иван траншею.
Бежит вдогон.
Из-за угла
Нежданно трахнули по шее,
Как кипятком ожгло:
«Пропал!»
Но изловчась, покуда падал,
В грудь наседающего ткнул,
Полувскочив с колен прикладом
Его по каске саданул!
Пока ты дуло автомата
На Ханса-немца наводил,
Тот вбок отпрянул воровато
И ноги в руки - что есть сил!
Хотел сразить его, сквитаться,
Но диск пустой, но не догнать:
- Ушел, удрал мой крестник, братцы!
Помчался выгоном петлять!
И весь дрожа от возбужденья.
Запаял новый диск рукой.
- Да у тебя Иван, раненье!
Весь бок шинелки кровавой!
Схватился - смотрит пальцы красны,
И стало тягостно дышать.
По счастью вскользь ушел опасный
Удар фашистского ножа.
Осел на ящик от снарядов,

Подумал: «Вот она, беда!»
Бегут бойцы толпятся рядом:
- Где медсестра? Скорей сюда!
Кричат сестру, спешат друг другу
Сказать (не высказать всего!):
- Я чуть не обмер от испугу!
Но все ж не он, а я его!
И вновь победно хохотали:
- Остался цел - жить будешь век!
И воспаленными губами
Хватали зимний жгучий снег.
А мимо шли, сбивались в кучу,
Косясь опасливо на смех,
Пленные, на всякий случай
Повыше руки вскинув вверх.
Пилотки на ушах - не шапки.
Зима не южное тепло.
Не согревают кофты, тряпки -
Награбленное барахло.
На лицах синь обморожений.
У грозных некогда вояк
Сквозит в глазах недоуменье:
Сдаемся русским, как же так?!
А рядом говор:
- Удирает
Фашист по-заячьи от нас!
И фюрерский не помогает
Затормозиться «стоп-приказ»!..
Вдруг оглушает рев мгновенный
- На запад «ИЛы» пронеслись.
Кричит ефрейтор рослый пленным:
«В колонну по три
Становись!»
И вот бредут они «нах остен».
Покорно, сникши головой.
И, может быть, в Сибирь их «в гости»
Спроведит жиденский конвой.

Душа у фрицев зябко стынет:
Лихая даль, крутая близь.
И хлещет крик как бич по спинам:
- Остерегись! Посторонись!
С дороги спешно в снег ступают,
От ветра отвернув лицо, -
Колонну пленных обгоняют
Повозки раненых бойцов.
На жалких немцев у обочин
Глядит Иван уже не зло:
- Отвоевались.
Между прочим,
Им больше прочих повезло!
Сосед поддакивает:
- Точно.
В живых останутся в плену!
И непечатным слогом сочно
Костит фашистов и войну.
- Всадить бы Гитлеру бы пуль тех.
Вогнать его скорей бы в гроб!
Взамен ноги с больною культей
Какой я в поле хлебороб!?
А в поле, вдоль дороги снежной,
Не копны видятся вразброс,
Покрытые порошей снежной,
А танки, пушки, лом железный
Колесной техники, что нес
«Тайфун» войны, угасший скоро,
И вот заглохли насовсем
В боях разбитые моторы
Машин всех марок и систем.
Металлолома километры.
Орудье. Танк. Тягач стоит.
Их подмосковным студит ветром,
Морозом русским леденит.
В их скопище ревел военный
Европы всей потенциал.

Их мертвый вид с колонной пленных
Блицкрига крах обозначал.
Смотрел Иван вокруг и даже
Вдруг узнавал те рубежи,
На коих к этому «пейзажу»
Он тоже руку приложил!

Я ПОМНЮ

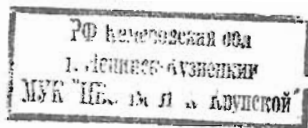
Я помню, как мы шли с тобой
Дорогой зимней лунной ночью.
То было в год сорок второй,
А вижу я ту ночь воочью.
Во мраке синем меркли дали.
Мы шли равниною одни.
В морозном воздухе дрожали
Разъезда дальнего огни.
Под ноги нам, искрясь, скользила,
Снегов январских белизна.
И слева нам с тобой светила
В окружье радужном луна.
И у черты незримой в поле,
Склонясь и глянув мне в глаза,
Ты, старший брат мой Анатолий,
«Ну хватит, -
Ласково сказал. -
- Иди домой!
И рук движеньем
Привлек к себе, поцеловал.
Свои мальчишки сбереженья
Тебе в подарок я отдал.
И ты ушел, рукой махая
И поезд вдаль тебя увез
На фронт,
Где под огнем мужая,
До лейтенанта ты возрос.
В краю украинском неблизком
В атаке пулей ты сражен.
Под безымянным обелиском
Твой прах землею растворен.
Уж сколько лет, как лег скупой
На «похоронку» скорбно росчерк,
А ты все машешь мне рукой
Из той далекой лунной ночи.

*Светлой памяти брата Анатолия,
20-летнего лейтенанта,
и его боевых товарищей.*

СЫНОВЬЕ СЛОВО

74463 (2)

В даль, где дом мой,
где Родина,
Все смотрю и смотрю.
И опять, моя мама,
Я с тобой говорю.
Снова майское солнце
Плывет в небесах.
Обелиски погибшим
Утопают в цветах.
Ты не плачь моя мама,
Не горюй обо мне.
Я живой, не убит я
На жестокой войне.
Только, мама, прости мне
В долгой боли-тоске,
Что навеки остался
От тебя вдалеке.
Сквозь пальбу до Берлина
Я прошел страшный путь.
И осколки и пули
Больно жалили грудь.
Но такой я, как прежде,
Не калека какой -
Скрыты все мои раны
Бронзой, словно броней.
Весь я, мама, из бронзы,
От сапог до кудрей,
И меня согревает
Ласка майских лучей
В плащ-накидке солдатской,
Ведом всем на земле,

Я стою в Трептов-парке
На высоком холме.
Мне от плит пьедестала
Ног никак не отнять.
Не могу к тебе, мама,
В гости я пришагать.
Я прошу тебя очень:
Не тоскуй обо мне.
Я живой, не погиб я
На жестокой войне.
Я живой, я все помню
И все так же люблю
И меньшого братишку,
И сестренку мою.
Как они поживают?
Пусть не ведают бед.
За меня поцелуй их,
Передай мой привет.
Пусть они зажигают
В доме мирном огни,
Обо мне вспоминают
Без печали они.
На родные березки,
Что у дома стоят,
Как моими глазами
Пусть с любовью глядят.
Возвращаясь с работы,
Вечерами в дому
Пусть спокойно отходят
К бестревожному сну.
Я же глаз не смыкаю
И вовек не сомкну -
Я как будто поставлен
Часовым на посту.
Держит времени бремя
Крепость бронзовых плеч.
На разрубленной свастике

Мой покоится меч.
Никому те обломки
Вновь уже не собрать.
Мне в ладонь мощно влита
От меча рукоять.
У груди моей девочка,
Та, что спас из огня.
Ах, как крепко ручонки
Обхватили меня!
Вся надеждой и верой
На спасенье полна.
Мама, очень похожа
На сестренку она!
Я ее не оставлю
На погибель теперь.
Много видел я жутких,
Скорбных, горьких потерь.
Видел села в пожарах,
Пепел концлагерей,
Где в спецтопках сжигали,
Как поленья, людей.
Разве все перескажешь,
Что пришлось повидать.
Озверелых фашистов
Мы клялись истреблять.
Сколько горя людского
Нес фашистский огонь.
Нашу боль утешала
На привалах гармонь.
Нашу веру в победу
Среди смертных разлук,
В человечность и разум
Укреплял политрук.
И за правое дело
Страхам всем вопреки
Воевали солдаты -
Батальоны, полки.

Сколько их справедливых,
Вражью мощь сокруша,
В одиночных и братских
Погребеньях лежат.
Слава павшим за Родину!
Были все храбрецы
Наши старшие братья,
Сыновья и отцы.
Все мне кажется, мама,
Что в боях от огня
Все погибшие наши
Воплотились в меня.
У могил их цветочный
Шелест как разговор -
Голосов их чуть слышный
Чую трепетный хор.
Я, как все они, верю:
В горе, в жути, во мгле
Повториться такое
Не должно на Земле!
Пусть напишет историк
В мирном солнечном дне
О прошедшей Великой
Как последней войне.
С этой думой годами
Дни и ночи стою,
О далекой России
Песню дали поют.
Ах, как хочется, мама,
Мне тебя повидать!
Нежным словом утешить
И как в детстве обнять.
Ты не плачь, моя мама,
Не тоскуй обо мне,
Я живой, не убит я
На минувшей войне.
Я стою в Трептов-парке

На высоком холме.
И желаю всем людям
В мире жить на земле!
Пусть лишь в песнях играет
Фронтальная гармонь.
Наши судьбы питают
Жизни Вечный Огонь...

У ОБЕЛИСКА ПОГИБШИМ ВОИНАМ

Знаменная
Алость
Гвоздик.
Холодная
Тяжесть
Гранита.
Был подвиг
Народа
Велик -
Гласят
Эти скорбные
Плиты.
Вам,
Тысячи
Павших
Солдат, -
Отцы наши,
Братья и деды, -
Сегодня цветы
Говорят,
Что есть
У живых
День
Победы!

ЖЕНЩИНАМ, БЫВШИМ НА ФРОНТЕ

Как блещет вешний
солнца бубен!
Как праздничны улыбки
и сердца!
И кажется, теченью мирных
буден
С их праздниками длиться
без конца.
А в память нашу врезаны
печатью
Военных лет жестокая гроза.
И ордам черным
горькие проклятья.
И в майский день
победная слеза.
Шли сквозь сердца
дороги фронтовые.
Война ломила наши берега.
Вы стали и медсестрами,
родные,
И снайперами, бившими врага.
Вам в тех боях побольше,
чем мужчинам,
Пришлось испытаний
и невзгод.
Но вы дошли до логова -
Берлина.
В тот незабвенный
сорок пятый год!

**ЕЛЕНА ВАНИНА,
ВЕТЕРАН ВОЙНЫ И ТРУДА**

Стихотворение отлично
Читает смене молодой
О героической о личной,
О тяжелой жизни фронтовой:
Фашисты шли в огромной силе,
Но мы их в битвах победили!
И ясен свет ребячьих глаз:
Не будь победы, не было бы нас.
Сердца их бьются ей в ответ:
Живи в здоровье много лет!
И, мы коль час придет, свою
Россию защитим в бою.

В ВЕКАХ БЕРЕЖЕТ

С войной нападут чужеродцы,
Чтоб грабить, сжигать, убивать.
Лишь истинные полководцы
Умеют врагов побеждать.
Стратегия, тактика, знание
Замыслов вражьих голов.
И реет победное знамя
Над строем российских полков.
И память годов сохраняет
Деянья отважных бойцов.
И нас героизм вдохновляет
Прадедов, дедов, отцов.
И всяким захватчикам жутко
Сверканье имен издали,
Суворов, Кутузов и Жуков,
Спасители русской земли.
И слава ее и свобода
По градам и весям живет,
И воинский гений народа
Россию в веках бережет.

КОГДА ПРОЙДЕШЬ

Когда пройдешь
Сквозь годы и походы -
Познаешь цену
Жизни и свободы.
Поймешь, что в веке,
Войнами чреватом,
Жить - это значит
Быть солдатом.
Солдатом быть,
Не знать покоя
И умереть в разгаре боя.
Ведь бой идет
На белом свете
За Родину,
За счастье на планете!

*Вечной памяти двадцатилетних
бойцов в Великой Отечественной войне.*

БЕССМЕРТНЫЕ

Они прибыли к нам с новым пополнением во время затишья в наступлении. Явились, доложились днем, а к вечеру уже давали свой первый концерт в нашем взводе. Ну и лихо же они отстукивали на своих ложках! И «Катюшу», и «Огонек», и другие с припевками, и как начнут отщелкивать на своем деревянном и алюминиевом музинструментарии «Барыню» или «Яблочко», в ногах зуд начинался, кто-нибудь выскакивал в круг и пускался отплясывать. Да-а, ложкари - что надо.

Как я потом узнал, они еще в запасном полку сдружились, как встретились. Все трое почти одинакового роста, атлетического сложения, форма на них сидела красиво. Светла их, видно, любовь к игре на ложках да сходство характеров. И имена у них были схожи. Один Иван, другой Иванко, а третий Янко. Словом, славяне кадровые. Иван русоватый, Иванко рыжеватый, Янко белесоватый. И что интересно, все трое были ефрейторами. Еще в «запаске» за хорошую учебу и ложечные концерты пожаловали им по лычке на погоны. В общем, солдаты были хорошие, ребята компанейские, жизнерадостные, по восемнадцать лет от роду. За две недели затишья полюбились они бойцам взвода, особенно их музыка залихватская.

Да и были они не робкого десятка. Это я сразу понял, узнав, как они днем появились в нашей траншее. Дело в том, что днем ходу на передовую к нам и от нас в тыл не было. Один бугорушко надо было преодолевать, а он простреливался с той стороны через лощину. Какой-то немецкий стрелок двух тяжело поранил, третьего положил, почту нам нес. Вот и не ходили в светлое время. А эти заявили, хоть бы что им.

Оказывается, их предупредили, что нельзя днем, простреливается бугор, так они что надумали? Набили травой гимнастерку с галифе и стали толкать чучело длинной палкой на бугор. Только немец выстрелил, они враз перемахнули опасное место, фриц, наверное, глазом моргнуть не успел, не то чтоб затвор передвинуть.

И-да-а. Выговорил я им крепенько. Они же смеются: мы, мол, заговоренные, нас пуля не берет, и выбивают на ложках: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет!».

Как-то пришла во взвод сестричка из санроты, Таня-Танюша, и как раз на их концерт угодила. Познакомились. И зачистила она к нам. А они в ее честь концерты задавали, по ее заказам песни выстукивали.

И вот приходит вновь Танюша-сибирячка со своей медсумкой через плечо, спрашивает, нет ли больных, раненых? «Да нет, отвечаю, - Бог миловал!». Вышли из блиндажа, провожаю по траншее, а навстречу неразлучные Иван, Янко да Иванко. Обрадовались, улыбаются друг другу, шутят, разговаривают. Вижу, им приятно, и Тане тоже. Ну, я им не мешаю, стою как бы в сторонке. Я старик для них, мне под тридцать, со мной им неинтересно, да и взводный к тому же. А они чему-то смеются. Война войной, а молодость свое берет. Да и война-то уже к концу идет. Ждем фашиста, пятится к своему логову. А кругом-то весна. Ее ни пулей, ни пушкой не убьешь! Небеса синеют, солнышко сияет, зелень прет, трава такая изумрудная, хоть зажмуривайся. Да еще цветы повысыпали, словно краснощечки первоклашки на перемене во двор.

Надо сказать, что цветов этих густоросло в низиннейтралке на противоположном солнечном скате. Низинка была широковатая, мы с этой стороны, немец - с той. Далековато друг от друга, потому, может, и не перестреливались. Да и нужды не было, война кончается, а жить всем хочется. К тому же природа расцвела, до смерти ли тут? Петь да мечтать хочется. Вот и стоим в траншее, любимемся на цветение.

Слышу, Танюша говорит и рукой показывает.

- Ой, мальчишки, смотрите, какие там цветы красивые, да как много!

Переглянулись Янко, Иван да Иванко - наши славные, как называли их во взводе, - мигом положили автоматы у ног сестрички и сиганули через бруствер в низину, на бегу засовывая пилотки под ремень, чтоб не потерялись.

Не успел я крикнуть: «Стой, стой!», - они уже далеко, и заорал по траншее: «Не стрелять! Не стрелять!». Мало ли кто что подумает: вдруг к фрицам перебегают? - А те тоже не стреляют, соображают, видно, что к чему. А наши хлопцы на «ничейке», в непростреливаемом пространстве для той стороны, уже цветы рвут.

Тут фрицы приняли это за подвох какой-то, озлобились и начали мины кидать вслепую по ребятам. Видно, как в низинке взлетают черные кусты взрывов. А наши славяне знай себе нарывають цветов.

Танюша как увидела, что Ивана загородил черный фонтан взрыва, охнула, прижала пилотку к глазам, уткнулась в стенку траншеи, да так и замерла.

А бойцы из траншеи хором орут фрицам: «Нихт шиссен! Нихт шиссен!» - не стреляйте, мол. И точно, услышали немцы, прекратили мины бросать. А Иванко, Ваня и Янко - вот они, уже подбегают к траншее, соскочили и Тане цветы преподносят:

- Танечке на радость! - говорит Иванко.

- Танюше на счастье! - говорит Янко.

- На любовь светлую! - говорит Ваня.

Медленно огляла Таня пилотку от лица, ее бледные щеки начали розоветь, в глазах вспыхнули искорки радости. «Целе-е-лые», - певуче выговорила она, переводя взгляд с ребят на протянутые к ней три благоухающих пышных букета. Обхватила цветы обеими руками, прижала к груди:

- Спасибо, мальчики! Спасибо! Ох, да разве ж можно так, мальчики?!

На ее глазах появились слезинки, скрывая их, утопила лицо в цветы, ее плечики под гимнастеркой чуть вздрагива-

ли. Ведь из-за нее, как ей казалось, кто-то из них мог не вернуться.

- Танечка, Танечка, не плачь, что ты, что ты, - просяще, успокаивающе и любяще говорит Ваня. - Мы же везучие. Нас пуля не возьмет, мы же бессмертные.

- Конечно, бессмертные, не плачь, Танюша, - тихо подтверждает Иванко.

- Верно, верно, бессмертные. Не плачь, сестричка, - нежно уверяет Янко.

Таня поднимает из яркого красно-розово-желто-синеголубого букета лицо, смотрит на них, улыбается сквозь слезы:

- Ма-а-а-льчики...

А я смотрю на эту сцену и думаю зло: ну покажу я вам, «мальчики»! Схлопочете у меня за эту выходку! Узнает начальство, - а оно узнает! - и меня крепко погладят против шерсти!

И тут слышу крик ординарца:

- Товарищ лейтенант! Ротный вызывает!

«Ну вот, уже и начинается!», - подумалось мне. Но, оказалось, пришел приказ о наступлении. Завтра бой. Надо готовиться. Не до «мальчиков» стало. А утром артподготовка, бомбежка вражеских позиций, сыграли «катюши». И вперед, пехота! Бой у нас был короткий, но жаркий, тут меня и угораздило в двух местах. Госпитали - один, другой. Словом, отвоевался, в часть свою уже не попал. И не знаю, что там было дальше с нашими славянами - Иваном, Иванкой да Янком. Думаю, что живы-здоровы остались. Задают свои ложечные концерты. Они же бессмертные!

*Елена ВАНИНА,
ветеран войны и труда*

ПРОВОДЫ

Товарный поезд подходил
К вокзалу ближе, ехал тише.
И вдруг, как вкопанный застыл.
- «Занять вагон!» - команду слышу.
Еще гражданские мы люди
И впереди еще война.
Мои родные и подруги,
От вас уеду скоро я.
Умчусь куда-то неизвестно.
Колес вагонных перестук
Петь будет песню бессловесно.
Комфорт теплушки - весть уют.
Потом по фронтовым дорогам
Меня водить начнет судьба.
Тревогу ваших глаз и слезы
Я буду чувствовать всегда.
От мамы и сестер своих
Ждать буду писем ежедневно.
Привета от сибирских зим,
Скучать и тосковать наверно.
Смотрю на близких из вагона,
Они о нас все слезы льют.
Сердца наполнены их болью,
Ведь знают все, куда нам путь.
Вот так я тоже провожала
Братишек, дядей на войну.
И моя очередь настала:
- До встречи, мама! Жди, вернусь!

О ДЕВУШКЕ-СОЛДАТЕ

Юная, словно тростинка.
С русой косой за спиной.
Черных бровей паутинка.
Облик прекрасен был твой.

Радужность глаз - два огнива.
Блеск их и тайн глубина.
Все позади, что любила,
Ждет впереди лишь война.

Хрупкие нежные плечи
Скрыты в солдатский покров.
Стройную ножку девичью
Кирзовый спрятал сапог.

Серая, грубая очень
Стала одеждой шинель.
Защита от стуж в дни и ночи,
А талию обнял ремень.

Вместо косынки одеда
Головку пилотка с звездой.
Сама в новый облик не веря,
Какою ты стала другой!

Пройдешь ты по трудным дорогам
Огнем опаленной судьбы,
Где жизнь выпадает не многим.
Храни тебя Ангел, храни.

ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ПЕРЕДОВУЮ

Чтобы занять передовую,
Район Синявино - рубеж,
Окопы пред врагом вплотную.
Всю ночь мы двигались сквозь лес.

Повозки ехали и пушки.
Пехота плотным строем шла.
И маскировку всех идущих
Хранила та ночная мгла.

Дорогой был настил из бревен
Через болотистую топь.
В низинах, где был путь неровен.
Сквозь просеки лесов, болот.

Нам до рассвета как бы легче
Преодолеть положен путь.
Во тьме небес кружил разведчик
Немецкий зорький «фоке-вульф».

А кое-где уже бомбили
И пламя разрывало тьму.
Уже людские жертвы были.
- Укрой нас, - просим темноту.

С рассветом были мы на месте.
Так сыро, холодно в лесу.
У костерка присели вместе,
Грызья сухарик на ветру.

Укрылись сеткой-маскировкой,
Нас сверху немец сторожит.
Устали за ночь, путь нелегкий.
Вдруг самолетов строй летит.

Все стало сразу сущим адом.
Пошли в пике недолетия.
Бог мой, ведь бомбы лягут рядом,

Иль прямо в цель, - нас пригвоздят.

И мы урок войны познали,
Не описать, не рассказать.
Крещение первое приняли.
Не дай вам Бог то испытать.

Еще в пике раз заходили.
Их было больше тридцати.
По ним зенитки наши били,
Что ждет нас дальше? Впереди?

ШКОЛЬНЫЕ ПОДРУГИ

Школьные подруги дорогие
Далеко от вас сегодня я.
Вы со мною в памяти, родные,
Стала жизнь солдатскою моя.

Не иду сейчас я с вами в школу,
С книгами портфеля не несу.
У меня нет белой ленты более,
Что вплетала в русую косу.

Стали мне подругами солдаты.
Грубая шинель наряд весь мой.
Вместо книг винтовка и гранаты
И мешок солдатский вещеюй.

Чтобы вы учились и мечтали
Далеко от ужасов, должны
Мы пройти, все смерти побеждая
Трудными дорогами войны.

Как впитать в себя все то, что вижу
На войне, в которой я живу.
Смерть то дальше то меня, то ближе
Не во сне, девчата, - наяву.

И война не девичье ведь дело.
Трудно здесь, признаюсь вам тайком.
Если я сквозь ад пройти сумею,
Расскажу при встрече обо всем.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Написать я в ответ не смогла
На письмо твое несколько строк.
Не печалься, родная моя,
Может, выпадет лучший денек.

Все идем мы куда-то, идем.
Где-то очень нужны мы наверно,
Скоро встреча нам будет с врагом.
Старшина говорит: «Непременно».

Кто успеет, а кто, может, нет
Написать вам домой хоть две строчки,
Все быть может, останется след
В треугольном конверте листочке.

Старшина или писарь в полку
О нас весть после боя услышит:
На довольствие на день зачет
Иль домой похоронку напишет.

А теперь вот ответ я пишу
На письмо твое в несколько строк.
Не печалься родная моя,
Нынче очень хороший денек!

МИННОЕ ПОЛЕ

Идет она, идет мечтает
Сквозь лес в свой штаб с передовой,
И ничего еще не знает,
Что встретит смерть перед собой.

Не видит и не замечает,
Всего девчонке двадцать лет, -
Путь поле в минах преграждает.
Кто скажет ей: «пути здесь нет!»

И вдруг мгновенно, ей поверьте,
Застыв на месте - на черте,
Черте же жизни или смерти -
Здесь нет спасения тебе!

Стоит солдат - солдат девчонка,
Вокруг лишь лес и тишина.
Биенье собственного сердца
В испуге слушает она.

Что ее счастьем одарило?
А говорят, что нет чудес:
На поле с минами - застыла,
Со всех сторон темнеет лес.

Рассудок шепчет: - осмотрись!
Страх шепчет: - крах тебе, пропала!
Стоит застыв: - «не шевелись!»
И вот уж страха меньше стало

Не торопись, соображай.
Про ситуацию слыхала,
Подобную твоей: смекай! -
Не двигаясь она стояла.

Обратно надо повернуть: -
Следы в песке чуть различая,
След в след, а в сторону - ничуть!
Там взрыв и темнота немая.

- Смелей, смелей, - себе шептала,
- Еще немного, еще чуть-чуть
Нога ее меж мин ступала,
- Погибнуть не должна я тут! -

- О, Боже, я жива! - и села
У поля минного она.
Не сказка это - это было,
Где имя страшное - война.

Окинув поле смерти взором
И по нему свой жизни след,
На поле мин глядит с укором -
Солдат - девчонка в двадцать лет.

Памяти офицеров Сугакова и Кушнарева

ПОЛИТОТДЕЛЬЦЫ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Кругом все ухало, горело.
И непрерывно длился бой.
За Днепр-реку, за берег левый.
За Белозеркою Большой.
Декабрь стужею был страшен,
А на передней снег горел.
На вражью сторону и нашу
Металл бесчисленный летел.
Туда, где бой гремит, с заданьем
Политработники ушли,
А через день к утру вернулись,
Двоих дожидаться не могли.
Несли бойцам надежду, веру,
Газеты - свежие листки,
Что в ночь газетчики издали,
Солдат читал все до строки.
Политотдельцы не вернулись.
Из пекла боя не пришли.
Их на повозке привезли.
Мела метель, ракиты гнулись.
Открыли мы края палатки,
Какими тихими лежат.
Два агитатора ПОДива,
Призывных слов не говорят.
На миг не стал нам слышен грохот.
Сердце биенья в них уж нет.
На их тела бросал лишь месяц
Сквозь облака печальный свет.

ПОДив - политотдел дивизии.

ПАМЯТЬ

Память, ты проводи меня
Опять по огненной черте,
В дыму крошечного огня
К той Сиротинской высоте,

Где был приказ - На смерть стоять! -
За Дон врага не пропускать.
За нами город - Сталинград
Его должны мы отстоять!

А враг силен, как рвался он
За наш рубеж за Дон, за Дон.
За Доном степи, Сталинград.
А нам приказ - На смерть стоять!

О тех, погибших под огнем,
Закончивших свой ратный путь,
Потомок, ныне знай о том,
Их славный подвиг не забудь!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Все, считала, было ей под силу -
Раненных спасать, когда шел бой,
Их из зоны смерти выносила,
Если надо, заслонив собой.

Так случилось, что в бою неравном
С ранеными Аня - медсестра
Очутилась в окруженье вражьем.
На команду - «хенде-хох» - не шла.

Заняв круговую оборону
С ранеными молвит медсестра:
- Пусть же враг забудет
Путь свой к дому! -
Раненым призыв кричит она:

- Мы живыми фрицам не дадимся,
В том всему порукой - наша честь!
Пусть узнает враг, на что годимся,
Мы еще живые, сила есть!

Братцы милые, не дайте фрицам
Над собой глумиться. Черным псам,
Растерзать израненное тело.
Ненависть в бою поможет нам!

Всею своей отважной силой женской,
С вдохновенной русской душой,
В дальней стороне - равнине Венской
Медсестра вела последний бой.

В ПРОШЛОМ МЫ БЫЛИ СОЛДАТЫ

В прошлом мы были солдаты.
Испили всю чашу до дна.
В преддверии ада когда-то
Сгореть не успели дотла.

Тонули в Днепре и Дунае
И вновь воскресали и шли.
Сколь раз, даже сами не знаем
В объятых смертей были мы.

Насквозь нас дырявили пули,
Осколки кромсали тела.
В нас ветры жестокие дули,
Нас смертушка всюду ждала.

Дожди нас нещадно хлестали,
Зимою мороз донимал.
В окопах снега засыпали,
Свист пуль нам дремать не давал.

О том знают наши шинели,
Всегда согревая нам грудь.
Сквозь ужас военной метели
Был долог солдатский наш путь.

Здоровье и молодость вместе
Сгорели в пожаре войны
Остались живыми на свете,
Не знаем каким чудом мы.

Осталась душа наша светлой,
Осталась в нас вера в добро.
С дней юных жестокою меткой
На наших висках серебро.

УЮТА МИРНОГО КЛОЧОК

Мечтался мне в дни лихолетья
Уюта мирного клочек.
Помыться б в баньке, отогреться,
Уснуть, как люди спят - часок.

Ведь спали мы где, как придется,
А не придется, так сойдет.
То сверху снег, то дождик льется.
Под бок бы хоть соломы клок.

То на ходу вздремнешь бывало,
Под звуки топающих ног.
Запнется вдруг о что попало
Отяжелевший твой сапог.

По человечески - раздеться:
Снять гимнастерку и ремень,
Чтоб были простынь, одеяло.
Таких блаженств хотя бы день.

Потом надеть халат, с ногами
Забраться в кресло, в благодать.
Свершится это, и с богами
Поставила б себя я в ряд.

Так мне мечталось и хотелось
Уюта мирного клочок,
Покоя, отдыха для тела,
Устав от фронтовых дорог.

СЛАВА ЖЕНЩИНЕ

Мы девочки - войны солдаты.
С мужчинами шли по войне.
Победы отмечаем даты.
И смотрим фильмы о себе.

Так много нас по всем дорогам
Лежать осталось по пути.
Солдат - девчат из медсанвзвода,
Из медсанбата - помним мы.

В полку мы были поварами.
В разведке - рации несли.
А снайперы вместе с парнями
Убитым немцам счет вели.

Пилоты - девочки умело
Бомбили, в небе бой вели.
И были тем горды и смелы
Мы дочери родной земли.

Зенитчицы, прожектористки
Всечасно зорко стерегли,
Не пролетели чтоб фашисты,
Хранили фронта рубежи.

Мосты, железные дороги.
Большие села, города.
И в сердце затаив тревоги,
Водили танки, поезда.

И где мы только не служили.
Мы на своих плечах тогда
Держали тыл своей России,
Вновь возводили города.

ВETERANOV VSE MEN'SHE

Кто на встречу с друзьями
Вдруг приехать не смог,
Он сейчас вспоминает
Дни военных дорог.

Он пройдет по ним снова
Весь свой путь боевой:
Смерти, ужасы, горе,
Что зовется войной.

Ветеранов все меньше
С каждой новой весной.
А уносят их смерти
Словно вешней водой.

Они будто на встречу
К друзьям павшим идут
И печально им трубы
Марш последний поют.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В начале майских дней весны
И всей природы возрожденья,
Мы ждали все конца войны
Неповторимого мгновенья.

Затихло все - разрывы мин
И выстрелы зловещих пушек.
От них становишься глухим,
Что канонаду ту заглушит?

Война все рушила, ломала,
Сколь лет ей не было конца.
И вдруг она в ту ночь устала,
Отбой дала за все года.

Солдаты вышли из окопов,
Покинув доты, блиндажи.
И замолчали пулеметы
Ура!.. Ура!.. Конец войны!

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Сегодня день скорби
Начала войны.
День памяти павшим
На длинном пути.

Кого мы теряли
В жестоких боях.
Сейчас вспоминаем
И скорбь на устах.

Живой кто остался,
Пройдя страшный путь.
Победы дождался,
А их не вернуть.

Лишь память хранит их
Все эти года.
Как будто все с нами
Шагают всегда.

Забвения нету.
Все память хранит.
Дорожные дали,
Окопный наш быт.

*Нина ИПАТОВА,
ветеран педагогического труда.*

**РУСОКОСЫЙ СОЛДАТ.
ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЕТЕРАНУ ВОЙНЫ И ТРУДА
ВАНИНОЙ Е. Н.**

Ты шла на фронт в такое время года,
Когда волнуют о любви мечты,
Когда дарила щедрая природа
Черемух белоснежные цветы.

Настало время с мамою проститься,
Состав пришел. Ты не сдержала слез.
С косою русой, в платьице из ситца
Отправилась в мир самых страшных гроз.

И наравне с мужчинами сражалась.
И, туфельки сменив на сапоги,
Дорог военных столько отшагала,
Как только ноги вынести смогли.

Рвались снаряды и горели хаты,
А ты, девчонка с нежною душой,
Тайком мечтала о гражданском платье
И о любви, красивой и большой.

Кругом бои, кровавая атака,
Шрапнели жуткий вой со всех сторон.
Ты в восемнадцать лет свои вояка,
Забывшая про отдых и про сон.

Война казалась настоящим адом,
Но ты держалась стойко, как солдат.
Все вынесла: бои под Ленинградом
И Битву за отважный Сталинград.

Прошли года. Нет на плечах шинели,
В музей сданы пилотка и ремень.

И внуки незаметно повзрослели,
И на лицо ложится грусти тень.

Ведь годы падают, как капли, звонко,
И ничего уж не поделать тут.
Давно русоволосую девчонку
По имени и отчеству зовут.

Она прошла сквозь ад невероятный,
Солдатский долг свой выполнив сполна.
Сегодня отблеск доблести той ратной
Хранят ее медали, ордена.

СВЕТЛАНЕ

Тот день был полон майской тишины,
Тепла, цветов и солнечного света.
Ты родилась за месяц до войны,
Тебе родные дали имя Света.
Ты в холоде и голоде жила,
Но выросла крепышкой закаленной.
В кроватке деревянной провела
Свой первый год, войною опаленный.
Не знала ты, что под Москвой в боях
Погиб отец... Он там навек остался.
Представь, как в День Победы на руках
Тебя бы он поднял и улыбался.
Не знала ты... Но помни, что он был,
Так ясно смотрит на тебя с портрета.
Как нежно бы тебя отец любил!
Ты очень на него похожа, Света.
Ты имя честно пронеси его,
Отважного и смелого танкиста.
А если будет трудно от чего -
Присядь и перечти отцовы письма.

ШУРЕ ПОСТОЛЬСКОЙ, МОЕЙ СВЕРСТНИЦЕ

Пишет Шура маме письмецо,
С нежною любовью вспоминая
Доброе прекрасное лицо:
«Скоро я вернусь к тебе, родная».
А кругом жестокие бои,
По селенью бьют прямой наводкой,
Падают товарищи твои,
Девушка с кудрями под пилоткой.
Командир убит. Кому же встать,
Батальон огнем к земле пришитый,
В битву беспощадную поднять?
Хоть умри, а жизни будь защитой.
И звенит девичий голосок:
«Бей фашистов!» - И летит лавина
Сквозь огонь. Стремителен бросок.
На высотке свет сошелся клином.
Шура не должна бы воевать,
Но солдаты нынче вспоминают:
«Стыдно было землю обнимать,
Если цепь девчонка поднимает».
Тишь в полях, хотя года идут,
Фронтное время сердцу дорого.
И на встречах ветераны чтут
Павшего в бою отважного комсорга.
Им осталось только вспоминать
Девушку веселую, красивую,
Со щеками яблоку подстать
И с глазами, словно небо синее.
Ей бы стали руки целовать
Сверстники ее, что стали взглядом строже.
Слава женской доблести! И все же
Шура не должна бы воевать.

В СОРОК ТРЕТЬЕМ

Белела средь полей дорожка,
Сгущались в тучу облака.
Ведро дымящейся картошки
Несла к обеду я в луга.
Где до упаду, до ломоты,
Зубами сдерживая стон,
Мужскую потную работу
Нес стойко женский батальон.
Сурово женщины шутили,
Мне помнится, тем жарким днем:
«Коль до картошки мы дожили,
И до победы доживем!»
И, повздыхав на вдовью долю,
Вершили жаркие стога.
...Цвело картофельное поле,
Гремела Курская дуга.

ВСТРЕЧА С ДОЧЕРЬЮ

Приехала мать в московский музей
На встречу с дочерью младшей своей.
На стену она устремила глаза,
Течет по щеке материнской слеза.
«Доченька, здравствуй, - чуть слышно сказала
И на колени пред дочерью встала.
«Как бы хотела тебя я обнять,
К сердцу горячему крепко прижать».
Но дочь не услышит... Оставшись одна,
Танки готовится встретить она.
Не соблюдая проезжих дорог,
Немецкие танки идут на Восток.
Поля оскверняют, рожь и траву,
Думает Рая: «Идут на Москву.
Брошу гранаты одну за другой,
Врагов задержу любой ценой».
Первый танк близко, а шесть вдалеке,
Не даст она дрогнуть хрупкой руке.
Пылает лицо от июльского зноя,
Ей некому крикнуть: «Ребята, за мною!»
Солдат не осталось в стрелковой роте...
Одни из них стонут рядом в окопе,
Страдают от ран у нее на глазах,
И кровь запеклась от жары на бинтах.
Другие от вражеских пуль полегли...
Им уж не встать с обожженной земли.
Одна против танков, долг выполняя,
Бросилась в бой санинструкторша Рая.
И дочери Родины доблестный подвиг
Воспел, как легенду, навечно художник.

*Ветерану войны Бурцевой Татьяне,
жительнице нашего города*

САНИНСТРУКТОР ТАНЯ

Солдат, упав на поле боя,
И не во сне, а наяву
Увидел прямо пред собою
Живого взгляда синеву.
Его как будто оросили
Целительной святой водой,
Как будто бы сама Россия
Склонилась русой головой.
Перевязала ловко рану
Сестренка с сумкой на ремне,
По званию «сибирячка Таня» -
Санинструктор роты на войне.
Взвалив на худенькие плечи,
Солдата тащит за собой,
А рядом - смерть и вой картечи,
Шел беспощадный страшный бой.
Она в кирзовых сапогах,
В шинели не по росту.
Тепло и жизнь несла в руках
Стрелкам в родную роту.
А было б этому бойцу,
В продымленной одежке,
И платье бальное к лицу,
И модные сапожки.
Кругом земли от взрывов груди
В тот день кромешного огня.
Солдат сказал: - «Я не забуду
Сестренку, что спасла меня».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Рассказ узницы фашистского лагеря)

Мне спать нельзя. Качаются рессоры,
Проводники по тамбурам стоят.
Ведь это наш, войной разбитый город!
И эта степь зацветшая - моя.

Я возвращаюсь из чужого края,
К окну припав разгоряченным лбом.
Мне встречный ветер слезы утирает
Своим расшитым теплым рукавом.

В вагонах спят, всем снится избавленье.
Свистит свисток, смолкает вдалеке...
А я, смеясь, читаю объявленья,
И все они на русском языке!

Как трафареты старые знакомы:
«Нельзя курить, сорить, кричать...»
Так, значит, я на самом деле дома?
Сойду - и землю буду целовать.

Владимир РОМАНЧИН

СНЕГ

Снег утром свеж, как праздничная скатерть,
Что у хозяйки доброй на столе,
Когда она - светла, как божья матерь -
Встречает гостя, жданного сто лет.
Когда же снег порошей тихой ляжет,
Пока его не тронула метель,
Он тепл и мягок, словно пух лебяжий,
Как новобрачных первая постель.
Бывает снег и розовый на зорях,
То заискрится, серебром пыли.
А в нашем крае, где живут шахтеры,
Порой он сер от сажи и угля.
Я ж видел снег совсем другого цвета,
В сорок втором... Мне не забыть о нем!
Атака захлебнулась на рассвете,
Захлестнутая сталью и огнем.
Стоял мороз, но снег под нами таял!
На Белый шли полки сибиряков...
Я встал тогда. А сколько их не встало,
Товарищей моих и земляков.
Года прошли, а все как будто рядом
И боль, и бой в полях российских тех,
Повсюду где, куда не кинешь взглядом -
Тела, тела... И в бурых пятнах снег.
Вот утверждают: время лечит раны.
Другие парни в армию идут...
Но те солдаты с ними в строй не встанут!
И матери к столу их не дождут.
Их не дождут невесты-вековухи,
Ни детская пустая колыбель.
Тот снег им стал и саваном и пухом,
И скатерть он, и брачная постель.

Кровавый снег... Не в нем, быть может, дело,
Но каждый раз за праздничным столом
Я молча пью за то, чтоб был он белым!
...Или чуть-чуть припудренный углем.

САНИНСТРУКТОР

В окопах, в землянках,
В палатках ли рваных
Парням и девочкам жестокой войной
Солдатское лихо делилось на равных.
Но ей потрудней выпадало оно.
Не в платье цветастом,
Не в легкой юбчонке -
А в брюках,
В фуфайке,
Больших кирзачах
Каких вы дорог не топтали, девочки,
Не легкую ношу неся на плечах.
Еще до санроты,
Еще до санбата,
Под шквальным огнем на виду у врагов
Кто первой с земли поднимала солдата,
Кто первой до раны касалась его?
Она -
Санинструктор, сестра и подруга.
И воин,
Надеждой святой окрылен,
К живым возвращался из смертного круга.
За это ей -
Низкий сердечный поклон.

*Тамара СТРАХОВА,
работник культуры*

МОЕМУ ОТЦУ, УЧАСТНИКУ ВОВ СТРАХОВУ АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ

На распахнутых ресницах -
Взмахом ночи - тишина.
Взмахом крыльев - тишина.
Почему ночами снится
Незнакомая война?
Я и памятью незрелой
И душой была мала.
Я, наверно, жить хотела
Или вовсе не жила?
Чьи следы на черных тропах,
Вязко политых водой?
Папка мой лежит в окопах,
Синеглазый, молодой.
Плачут сосны и метели
Посреди войны и дня.
И солдатскою шинелью
Прикрывает он меня.
Не небес грохочут грозы -
Это грозы из свинца.
Если б я могла хоть слезы
Вытереть с его лица.
Эх, солдатская дорожка,
День ли, ночь ли, все равно.
Пахнет жареной картошкой.
Пахнет летом и войной.
Если жив, то вправду, чудо,
Ну а нет - на то война.
Нет меня. Я только буду.
Папка, я тебе нужна.
Не погибни, будь упрямым,

Сильным, смелым, как гранит.
Ведь тебе знакомство с мамой
Через годы предстоит.
Через взрывы, через беды -
А иначе нам нельзя.
Будет, папка, День Победы -
Это точно знаю я.
...Все прошло - метель, морозы,
Флагом водрузилась тишь.
Папка, вытри дочке слезы.
Где ж ты, папочка? Молчишь...

* * *

Слушаю детство, уйдя в тишину.
Помню, как мы хоронили войну,
Как водружали в мешок сухари,
Ваньку просили: «Ты, Ванька, смотри,
Против фашистов воюй хорошо,
Чтоб с деревянной ногой не пришел»,
Ванька божился, сухарики грыз,
Ванька был старше и авантюрист.
Ванькин отец воевал и при том
С фронта трофейный привез он альбом.
А в том альбоме, о Боже, main Gott!,
Был незнакомый, как в сказке, народ:
Шляпки, вуали, манто, веера,
Словно не жизнь, а сплошная игра.
Ванька себя не считал дураком:
Пальцем - то в нос, то в фашистский альбом:
Муттер унд фаттер - читал по слогам
И объяснял несмышленьшам нам,
Словно неся очень странную весть:
И у фашистов родители есть.

ПАМЯТЬ

Маме

Эти разлуки под серую сенью вокзала,
 Помнишь, как небо косички дождя расплетало,
 Помнишь, как танго из звуков плело паутину,
 Помнишь, как солнце впивалось настойчиво в спину?
 Не было лиц, только месиво криков и стонов,
 Не было дат, только скрежет прощальных вагонов,
 Не было снов, только память ломилась куда-то
 В скорбные дни расставанья, в печальные даты.
 Словно весенним дождем тишину освежая,
 Память, куда ж ты, ведь ты не моя, а чужая,
 Мчишься по судьбам и дышишь настойчиво в спину,
 Загнанной лошадью по раззоренным равнинам?
 Черной вдовой с почерневшим от времени ликом,
 Можешь ты прошлою быть, можешь малою быть
 и великой.
 Можешь пройтись по росе мимолетной, сыпучей,
 крылатой,
 Темной рукою глаза закрывая солдату:
 «Я из вчера, я - зеленого веера крылья,
 Я из вчера, где дышали, горели, любили,
 Черный росток тишины, протыкающий Время...
 Память войны, эта вечная горькая тема...»

* * *

Село. Попытка к берегу приткнуться,
Зеленый незнакомый водоем.
И солнышка сияющее блюдце,
Как-будто бы пытаюсь окунуться,
Касается воды. Мы здесь вдвоем.
Лечу глазами за хрустальной синью
Небес и спотыкаюсь на лету:
Как будто горечь тающей полыни,
Как будто время на ладонях стынет
И болью уплывает в темноту.
Здесь шла война. Уставшая от крика,
От волн разрывов, от смертей и ран,
Земля взмывала вверх устало, дико.
И, словно кровь, сочилась повилика
И осыпалась в раненый бурьян.
Кладбищенский покой. Разор небес.
И вновь приоткрывает день и память
Воронки и огнем пропахший лес.
...На лацкане войны могильный крест,
Привинченный кровавыми руками.

*Луиза ХОМЕНКИНА,
медицинский работник,
ветеран труда*

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

В снежном окопе озябшей рукой
Писал мой отец перед боем домой:
«Здравствуйте, дети, здравствуй, жена!
Меня до Смоленска домчала война.
Фашисты-гады стреляют в упор,
Но мы им даем жесточайший отпор.
Вот завтра опять припарку дадим,
Умрем, но Россию не отдадим!
Дуся, все время волнуюсь за вас,
Есть ли на зиму дрова прозапас?
Знаю, что сена-то нынче мало,
Что со скотиной одна ты устала,
Держись, дорогая, не унывай,
Только корову не продавай.
Жизнь-то военная нелегка
Как ребятишкам без молока?
А за меня не волнуйся, здоров,
Гнать до Берлина фашистов готов,
Верь мне, родная, я крепко стою -
Советский солдат на переднем краю!»
... Я часто читаю отцово письмо
И больше не знаю о нем ничего,
Как он воевал на краю том переднем,
Ведь это письмо оказалось последним.

ПАМЯТНАЯ КИЛЬКА

Каждый раз, когда вижу в магазине соленую кильку, в памяти встает трудное военное детство.

Родилась я и выросла в г. Канаше на улице Калинина. Когда закончилась война, было мне 6 лет, но детская память крепка. Была наша улица не большая, всего сорок домов, и ушли на войну с нее двадцать молодых мужчин, наших отцов, а вернулся всего один, Александров, имени я его не помню. Правда в живых осталось двое, но Безруков встретил на войне другую женщину и остался с ней жить в Калининграде, оставив на улице Калинина свою жену Ольгу с тремя маленькими дочурками. Вот и привязались мы, безотцовщина, к единственному мужчине, Александрову. Был он участковым милиционером, домой приходил поздно, но мы каждый день встречали его с работы, подолгу стоя в начале улицы, там он жил. А он бежал с работы веселый, румяный, в форме, а в руках всегда держал газетный кулек с соленой килькой, которую мы почему-то звали «веселые ребята». Это был гостинец нам - дешево и на всех хватит. Мы разбирали гостинец, окружали его и провожали домой, по пути делились новостями, а он нас похлопывал кого по макушке, а маленьких - по животу.

Однажды мы ждали его очень долго, было лето, стало темнеть, но мы не расходились. Маленькие дети уже уткнулись в траву, уснули, а побольше стояли стайкой.

А было в милиции собрание, раньше собрания были бурные, долгие. Александров несколько раз просил, чтобы его отпустили, сказал, что его ждут дети и рассказал про нас. Ему стали говорить, что ушли уже они давно, спят, но он сказал - нет ждут.

Его отпустили, а с ним несколько милиционеров, они не верили его рассказу. Когда они повернули на улицу и увидели нас - остолбенели, так и стояли мы несколько минут молча - дети и взрослые, глядя в глаза - в наших глазах была печаль и усталость, а в глазах суровых милиционеров были слезы.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

«Дуся, любовь моя, родная как прожить без тебя эти полгода?» шептал Константин, покрывая жену поцелуями. Это был их прощальный вечер перед разлукой. Прожили они всего несколько месяцев, и вот повестка на военные сборы.

Проводить сына приехала мать Кости, она впервые увидела Дусю, не приезжала на свадьбу, да и свадьбы-то не было, испекла мать большой пирог, собрались друзья, поздравили, попили чай и разошлись с миром.

На утро собрались в дорогу, Костя уезжал вместе с матерью в одном поезде. Проводила их Дуся и стала ждать весточку от мужа. Договорились писать на работу. Каждый день летела она навстречу почтальону, а писем все нет и нет.

Забило сердце тревогу, что такое, не случилось ли чего? Нет покоя ни днем, ни ночью. Недавно почувствовала, что ждет ребенка, но не сказала Косте, - и так он сильно переживает разлуку. Решила написать потом в письме, обрадовать. И вот наконец долгожданное письмо. Схватила его закружилась в танце, скорее вскрыла и читает: «Дуся, это мое первое письмо и последнее. Больше не жди ни писем, ни меня. Я ехал с матерью, она мне сказала, что ты ей не понравилась и чтобы я расстался с тобой, пока нет ребенка», и т. д., и все страшнее и страшнее. И вложив в свое письмо, письмо матери, где она пишет: «ты писал, что женился на чудесной девушке, но я не нахожу в ней ничего чудесного, с твоими данными мог бы найти получше, бросай ее пока не поздно». Закричала Дуся, упала в рыданиях на стол, заби-лась, как пойманная птичка. Сбежались сослуживцы, стали читать письмо и не поймут ничего. Была такая любовь и вдруг такое. Стали успокаивать Дусю, но разве можно было ее успокоить?

И встал перед ней один вопрос: как избавиться от ребенка? В те времена это каралось законом, и никто ни за какие деньги не согласится избавить ее от дитя. Родные уговари-

вают родить, помогут воспитать ребенка. Но как родить от такого человека? Нет и нет.

У знакомой был родственник, врач-гинеколог, работал в деревне. Поехали к нему. Встала Дуся перед ним на колени, умоляет избавить ее от ребенка, только когда сказала, только сказала, что лучше покончит с собой, но не родит, согласился. С большим риском прошла операция, но жизнь ее спасли. Прошло два месяца, приходит письмо от Константина: «Дуся, не понимаю, как я мог написать такое, не нахожу себе места, не могу жить без тебя. Сейчас люблю тебя больше чем когда-либо, умоляю - прости». Смяла Дуся письмо и выбросила. Вскоре вернулся сам Константин, стал преследовать, умолять о прощении, но простить, когда рана еще свежа?

Прошло несколько лет, Дуся встретила хорошего красивого парня Михаила, полюбил он ее всей душой, она ответила ему взаимностью. И они поженились. Родила Дуся сына, потом еще дочку и стала уже думать, что пришло все-таки к ней счастье. Женился и Константин, не смог жить в одном городе с Дусей, а переехал в районный центр поблизости, и когда изредка приходилось ему бывать в городе, никогда не уедет, не повидав Дусю, обязательно подкараулит у дома. И вот когда уже решила она, что зарубцевалась рана, все забыто и ей безразлично, во время одной встречи вдруг забилося часто-часто ее сердце, закружилась голова, но с трудом поднимая ноги побежала она к дому и скрылась во дворе, потому, что вдруг испугалась, что бросится ему на шею и тогда неизвестно, что будет.

Наступил сорок первый год. В мае пришла повестка мужу - призывается на военные сборы на один месяц в Ярославль. Все перевернулось в душе Дуси - остолбенела: одни сборы уже унесли у нее любовь, неужели опять? Утром двадцать пятого мая, как неживая проводила мужа и стала ждать двадцать пятого июня, дня возвращения Михаила, но не обмануло ее страшное предчувствие - война застала Михаила в Ярославле. С первых дней Великой Отечественной

вступил он в бой, а в декабре пропал без вести под Смоленском, пропал и навсегда.

Всю войну ждала его Дуся и много лет после войны, но тщетно.

Весной сорок второго года вдруг получает Дуся письмо от Константина. Пишет, что воюет в Белоруссии и просит прислать фотокарточку. Пожалела его Дуся: вдруг погибнет, выполню его последнюю просьбу, но послала не одну себя, а вместе с сестрами.

Зимой снова письмо от Кости: «Дуся, милая, родная, получил твое письмо. Какое счастье для меня. Хорошо, что на фотокарточке ты вместе с сестрами потому, что я их люблю, теперь мне кажется, что ты со мной. Пишу письмо перед боем, завтра с утра начнется. Скорее всего мы проиграем его, так-как у нас невыгодная позиция, немцы на холмах, а мы внизу в котловине. Если останусь жив, меня спасет любовь к тебе, погибну - с твоим именем в сердце. Прости за ту боль, которую я причинил тебе, сам себя простить не могу, люблю, целую».

Читает Дуся письмо - ничего не поймет, написано будто бы летом, а уже глубокая зима, но вот приписка в конце письма уже другим почерком: «Это письмо было найдено в планшете убитого командира Медведева Константина Васильевича. Я, партизанка Ольга Шпак, храню его и прислала бы раньше, но были в окружении в болотах, а сейчас вышли, и я посылаю вам письмо. Мы читали его всем отрядом и разглядывали фотографию. Напишите, выслать вам планшетку или нет и напишите, пожалуйста, кто вы ему и которая вы на фотокарточке. Нас очень взволновало его письмо, мы хотим знать».

Дуся написала ответ, просила прислать планшетку и описать, как погиб Константин. Посылка пришла, вернулась и фотокарточка. Константин погиб от ранения осколком в голову - смерть мгновенная.

Неизвестно, как бы жили эти люди в дальнейшем, но их судьбу решила война.

*Памятник советскому воину-освободителю
в Трептов-парке в Берлине.*

*Алексей СОНИН,
ветеран воинской службы*

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В этот день на Братскую могилу
Я пришел с «московскою» в руке,
Хочу солдат погибших с Днем Победы
Поздравить, с ними быть накоротке.

Прошу тебя, Земля - создатель жизни,
Ты оживи погибших в ту войну,
Оставшихся на жутком поле боя,
Не встретивших победную весну.

Да пусть они отпразднуют Победу,
Со мной побудут хоть бы полчаса,
Я слышу их дыхание живое,
Я слышу их живые голоса!

Я сяду с ними рядом на пригорке,
И пусть они увидят нашу даль,
О них и ты, Земля, рыдаешь горько,
Как матери родной тебе их жаль.

Земля моя! - верни им жизни снова!
Верни им молодости ясный свет!
Пускай со мной докурят самокрутки,
Увидят жизни ход за много лет.

Пускай они невест своих увидят,
Увидят добрых милых матерей,
От этих встреч счастливыми побудут,
В улыбках небо станет голубей!

Они дела геройские вершили,
Они, бесстрашные, в атаки шли,
Свою Отчизну - землю защитили
И нас от страшной гибели спасли.

Верни им жизнь, Земля моя родная,

Хотя на полчаса их оживи.
Ведь ты однажды жизни им дарила
Прошу тебя, вновь чудо сотвори!
Смотрю на Братскую могилу,
На обелиск на бугорке,
Где в бронзе букв их имена застыли...
И катится слезинка по щеке.

СЕВАСТОПОЛЬ

Забыть тебя нельзя мне, Севастополь.
Легендой стал ты в памяти людской.
О днях войны с тобою вспоминаю,
Как будто все стоит передо мной.

Сапун-гора с подножья до вершины
Сверкает огнедышащей стеной.
И всюду бой вершится рукопашный,
Нет никому пощады никакой.

Мы не сдались с поникшей головою.
Мы отступили, с болью в нужный час,
Чтоб вновь прийти на берег нашей славы,
Такой бойцам был Родины приказ.

Сапун-гора, курган Малахов вижу.
Молчанье их следы боев хранит.
Защитников героев они помнят,
Когда у ног их плавился гранит.

Здесь вся земля пропитывалась кровью.
Мне слышен стон над мраморной плитой.
Не забывайте о былом, потомки,
Что мир вам добыт дорогой ценой.

МАРШАЛ ЖУКОВ

От монгольской реки Халхин-Гола
Самурайскую нечисть сметал,
Полководческий путь маршал Жуков
Героически здесь начинал.

Раскрывал его в тяжкое время,
Защищая родную страну
От фашистской орды оголтелой,
Навязавшей Отчизне войну.

Под Москвой, Ленинградом сражался,
И под Курском, в боях под Орлом,
Бой последний, победный закончил
Он в Берлине, с заклятым врагом.

В бой водил не один фронт победно,
Его гений в сраженьях крепчал.
И народ за великое дело
Его «Маршал Победы» прозвал.

Не померкнут заслуги его!
Не забудет народ благодарный
Этот воинский путь легендарный,
Всеспасительный подвиг его!

ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Кто насмерть дрался под Москвою,
На Волге, кто врага громил,
Не знал, что он шагнул в Легенду,
Что он бессмертье заслужил.

Бессмертный подвиг отлит в бронзу
В Трептов-Парке на века!
Стоит солдат страны Советов -
Меч сжала крепкая рука.

Не для войны, не для тревоги
Он сжал рукой тяжелый меч,
А чтоб никто во всей Европе
Не смог огонь войны разжечь.

Другой рукой прижал ребенка
Он, как отец, к своей груди.
И слышит зов людей планеты:
«Войне дорогу прегради!»

Он путь прошел в боях немалый,
Достойный список послужной:
Был под Москвой и Сталинградом,
В Берлине путь закончил свой.

Несут цветы ему народы
Из разных стран, со всех концов,
Чтоб мать детей бы не теряла,
Чтоб не терять в боях отцов.

*Ада ФЕДОСЕЕНКО,
ветеран труда, труженик тыла*

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Шел грозный сорок первый год -
Воюет папа наш с врагами.
Нас четверо детей, хлопот
Не счесть у нашей милой мамы.
Пришло однажды извещение:
Что без вести пропал отец -
Не найден он после сраженья...
Мы изревелись все вконец.
Но, сверив дату на письме,
Что было писано позднее:
Прижала мама нас к себе -
«Жив папа! Радуйтесь скорее!»
Считался старшим пятый класс,
И мы хотели бы сражаться.
Но жаль, на фронт не брали нас -
Не в стороне ж нам оставаться.
И на детей легла забота.
Как монолит была страна:
Все дружно брались за работу -
В полях трудились дотемна.
И «Все для фронта» - лозунг был:
Гранаты, танки и снаряды.
Ковал победу прочный тыл.
Успех на фронте - вместе рады.
Уж больше полувека мы
День празднуем Победы!
В сраженьях против зла и тьмы
Страну спасли отцы и деды.

БОЛЬ

Погиб любимый на войне,
И вдовьих слез не счесть.
В сорок четвертом по весне
Ей ту вручили весть.
Холодный пот, негромкий крик,
И сердцу грудь тесна.
В коленях дрожь, и в тот же миг
Лишилась чувств она.
И фотокарточка его,
Где в форму он одет,
Дороже и милей всего -
Хранится много лет.
Он перед боем выслал ей,
Любимый муж, отец.
Просил поцеловать детей.
Беды не ждал боец...
Во сне приходит муж-герой
Сквозь дым военных лет,
А боль слилась с ее душой
И нет спасенья, нет...

*Посвящается
Петру Ивановичу Лиховой*

УЧИТЕЛЬ

Мы помним тебя, наш учитель,
Ты русский язык у нас вел.
В военные грозные годы
Сражаться с врагами ушел.
Бывало на поле колхозном,
Не чувствуя ног и спины,
С тобою работали поздно
И девочки и пацаны.
Ты нас призывал закаляться
И строгим, и ласковым был.
Таким суждено и остаться,
И класс наш тебя не забыл.
Однажды собрались обедать
Вокруг у костра, взяли суп
Еще не успели отведать,
Как ветер поднялся и, вдруг
Обед засорило землю...
Сквозь слезы смотрели, и ты
Одною был связан судьбою,
Подумав сказал: - «нет беды,
Нас кормит земля и вы, дети,
Не думайте плохо о том». -
Был суп самым вкусным на свете
И съели. Смеялись потом.
Любили тебя, Петр Иваныч,
По-детски, не тратя слова.
И спали устроившись на ночь,
Соломы коснувшись едва.
Ушел ты на фронт, чтоб учились
Мы землю родную любя,
Чтоб зрея хлеба колосились

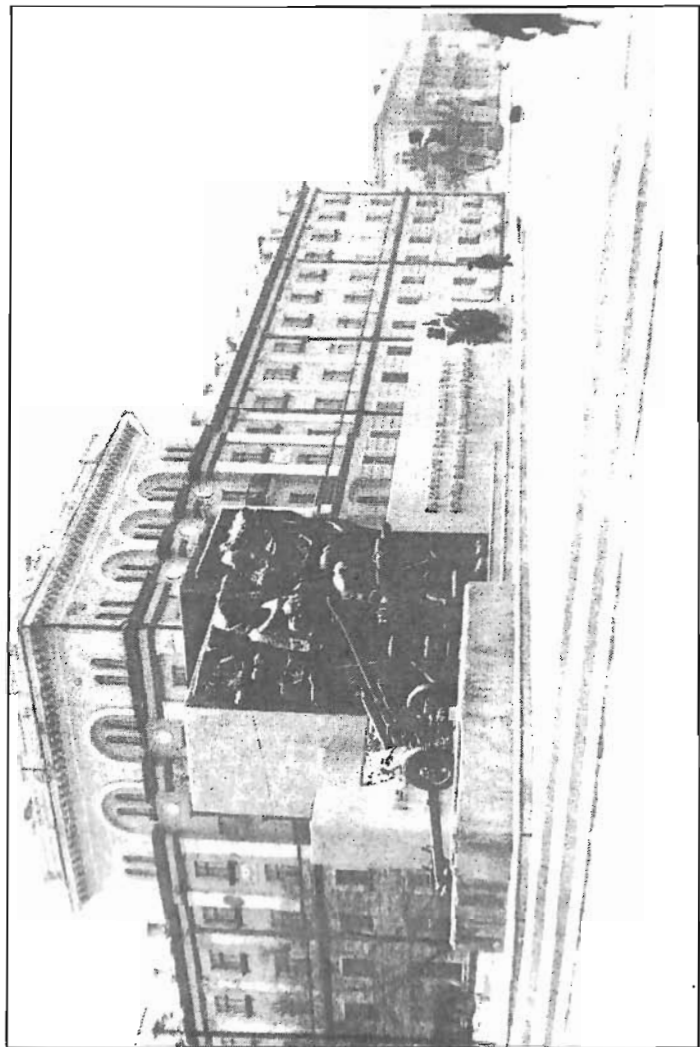
И принял удар на себя.
Короткая стрижка под ежик
Мы ежиком звали его.
И детская память дороже
Не знает тех дней ничего.

ПИСЬМО ОТ ВНУКА

Я письмо от внука получила.
Пишет: «у меня все хорошо.
Я служу, как ты меня учила
Честно и с открытой душой.
Я сейчас пошел на повышение,
Лидером стараюсь быть везде:
В службе повседневной и в ученье,
Чтобы мог я выстоять в беде.
Впрок идет военная наука.
Я горжусь защитником страны.
С радостью надеюсь встретить внука
Стройного, в погонах старшины.
Внук под стать и прадеду, и деду -
Офицерам кадровым, в войну
Одержавшим трудную победу,
От фашизма защитив страну.

*Мемориал на площади Победы,
г. Ленинск-Кузнецкий. Фото Р. Н. Лобковой*

*Таисия БЕРЛЮКОВА,
труженица тыла и ветеран труда*

УШЕЛ ОТЕЦ

Я помню, войне навстречу
Отец мой рано уходил
Поднимаясь над заречьем,
Молодой туман дымил.

Нас не брали на поруки,
Мы были связаны бедой.
К отцу тянулись наши руки:
«Ты защити страну, родной!»

Он не пришел, он не вернулся,
Но продолжает жить во мне,
В моем сердце, пульса ритме
И в моем всегдашнем дне.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

На улице колышет знамена ветерок.
Идет, идет на площадь трудовой народ.
Нынче везде праздник - в ауле, в кишлаке,
В деревне, в крупном граде, особенно в Москве!

Гремит оркестр сводный, всем музыка слышна,
Даже на Курилах и в космосе прошла.
В далеком 41-м гремел оркестр не тот -
Солдаты шли с парада с площади на фронт.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Послевоенная весна.
У нас, ребят, работа -
Моя ладонь обожжена
Колючками осота.

Осот нам надо вырывать,
Чтоб не вредил озимым,
И попевала рожь опять
В краю моем родимом.

За день большой, из края в край
Посевы пропололи,
И вот усталою гурьбой
Идем в село мы с поля.

Ко сну готовится село,
А мне еще спать рано.
Смотрю в зеркальное стекло
И вижу щек румяна.

Сказал парнишка: «Приходи!»
Хоть я устала за день,
Пустой патрон, как бигуди,
Я накрутила пряди.

На вечеринку я спешу,
Забывши про усталость,
Чтобы в кругу ребят, девчат
Мне пелось и плясалось!

ЗЕМЛЯНКА

С березкой рядом на полянке
Во время поры боевой
Была в два наката землянка,
Заросшая ныне травой.

Спускаюсь по скользким ступеням,
Тихонько в землянку вхожу,
Мне кажется, замерло время,
Я в прошлое снова гляжу.

Но мне это место - святое.
Положены кем-то цветы
У каски с водой дождевою,
Да мокрые стены пусты.

Здесь было жилье фронтовое.
Как будто к друзьям прихожу,
И в полное смерти бывшее
С печалью и болью гляжу.

У МОРЯ

Еще вчера была война
И все кругом здесь ухало.
Приходит мирная волна
И тихо плещет около.

Весенний лист здесь шелестит,
Волна целует берег.
Солдат у моря все сидит
И тишине не верит.

Нет боя, нет больше войны.
Он жив и домой вернется.
Он, не знавший тишины,
Тихо плачет и смеется.

А море ласково шумит,
Омывая тихий берег.
Солдат у моря все сидит
И тишине не верит.

*Валентин ГАПАНИЮК,
ветеран шахтерского труда.*

ПАТЕФОН В ЗЕМЛЯНКЕ

Нарядная спустилася зарянка,
Идиллия, покой и тишина.
Играет патефон бойцам в землянке:
Примолкла, словно выдохлась война.
Устал солдат. И отдыха чуточек
В минуты эти взять он норовит.
С пластинки льется «Синенький платочек» -
И тяжести уходят из груди.
Село с боями рота отбивала,
Где сапоги фашистские прошли.
В сожженной хате, в глубине подвала
Потертый патефон бойцы нашли.
А с ним была коробочка пластинок,
С мелодиями песен для души.
Одну иголку на бруске точили,
И патефон раненья их лечил.
Про дальнюю девчоночку-смуглянку
Мембрана серебристая поет.
Прохладно, но уютно им в землянке,
А патефончик силы придает.
Война войной. Вблизи поет зарянка.
Пехота дремлет, но еще не спит.
Поет Шульженко воинам в землянке;
И каждый верит, что народ наш победит.

*Нина ГИСС,
ветеран труда.*

ПАМЯТИ 22 ИЮНЯ 1941 г.

Еще дремала ночь на дальних плесах.
Седой туман стелился по лугам.
И ветерок запутался в зеленых косах
Ив, что приникли к сонным берегам.
Но туча черная огня и боли
Уже ползла, гремя стальной броней.
Уже воронки на овсяном поле.
Рев самолета слышен над землей.
Как страшно, неожиданно и странно
Вставал рассвет в тот дальний летний день.
Уже боец с неперевязанною раной
Строчит из дзота в наползающую тень.
Война нежданная, кровавая,
Как долго ты ходила по земле.
Но знали мы, что наше дело правое,
Что будет мир и счастье на земле.
Года идут, и снова ночи летние
Волнуют кровь и будят в нас мечты.
Но тех, кто победил, шагнув в бессмертие,
Всегда и всюду сердцем помни ты.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Старушка сгорбленная у огня стоит.
Два цветка в дрожащей руке.
В кофте старой, юбка до пят,
В ситцевом темном платке.
Взглядом поблекшим глядит на огонь.
И тихонько шепчет себе:
«Сыночек, кровиночка, радость моя.
Ну скажи мне, где же ты, где?
Скажи мне, где могилка твоя,
Я приеду, на ней помолюсь.
Землицы родной в платке принесу
И на холмике приберусь».
Сколько лет пролетело, время быстро идет.
Только сын не вернется домой.
Он под городом Белым в сраженье погиб
В сорок третьем, холодной зимой.
Были жарки бои в этом страшном котле,
Средь замерзших лесов и болот.
Чтоб друзья в атаку подняться могли,
Грудью пал он на вражеский дот.
Ну, а мать все не верит, что сына нет.
На дорогу глядит, чуда ждет.
И кажется ей, что в весенние дни,
В День Победы сыночек придет.

ШПЕРЛИНГ
*Алевтина Николаевна,
ветеран труда.*

ОТЕЦ И СЫН

Вспоминает вновь сын об отце,
Разложив боевые награды,
Как простился с семьей на крыльце,
Как навечно шагнул из ограды.

Треугольники-письма не шли...
Мать ждала их, вздыхая ночами.
На вопросы, что душу прожгли,
Почтальон пожимал лишь плечами.

Но однажды весенней порой,
Стукнул ветер тоской и печалью;
«Не вернется, погиб, как герой,
Под Берлином, на подступах дальних».

Жизнь идет, отражаясь в лице,
Время мчится, не зная преграды...
Взрослый сын все грустит об отце,
На посмертные глядя награды.

Ирина СИДОРАКА

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Из бриллиантовых рос
Слово «Россия» возникло.
Там, где родился и рос
Слышал я слово Россия.

Росное тихое утро
Свежей прохладой бодрит.
Рослая сильная юность
Труд свой России дарит.

Гимном поется Россия,
Трелью звенит соловья:
Росы-рос-росы-Россия, -
Слышу из зарослей я.

Звуков шальные узоры
Вновь очаруют пленя,
Это России просторы
В путь приглашают меня.

Нивы на море похожи,
Реки не сыщешь синей.
Где еще краше просторы,
Зори нежней и милей?

Имя страны, словно песню,
Я повторяю любя
И вне России не мыслю
Как гражданина себя.

ВСТРЕЧА

В защитной форме возмужавший сын,
Берет кусочком неба на затылке,
Встал на пороге солнышком моим,
В дом привезя и радость и улыбки.
Широкоплечий, сильный и родной,
Меня в объятия спрятал от печали...
Средь зимних вьюг повеяло весной,
И журавли надежды прокричали.
Надежды, что другие сыновья
Вернутся к мамам мирною дорогой,
И те обнимут так же, как и я,
Детей своих у отчего порога.

МАТЕРИНСКАЯ ГОРДОСТЬ

В студеных водах Баренцева моря
Навек остались чьи-то сыновья.
Святая слава Северного флота -
Их будет помнить русская земля!
На смену им пришли другие парни
С такой же верной, стойкою душой,
И вновь в поход уходят субмарины
В одной из них теперь сыночек мой.
Я им горжусь, в ночи моля у Бога
Хранить его и всех его друзей.
Пусть будет легкой в глубине «дорога»,
Чтоб к нам сыны вернулись поскорей.
Извечен образ матери у моря.
Теперь и мне незримо там стоять,
У Родины скалистого порога,
Из глубины сыночка ожидать.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ.
Могила Неизвестного солдата.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Рязанов Павел Емельянович	7
Парад 41 года	
Фашисты	
Бой в Подмоскowie	
Я помню	
Сыновье слово	
У обелиска погибшим воинам	
Женщинам, бывшим на фронте	
Елена Ванина	
В веках бережет	
Когда пройдешь	
Бессмертные	
Ванина Елена Николаевна	31
Проводы	
О девушке-солдате	
Чтобы занять передовую	
Школьные подруги	
Письмо к матери	
Минное поле	
Политотдельцы не вернулись	
Память	
Последний бой	
В прошлом мы были солдаты	
Уюта мирного клочок	
Слава женщине	
Ветеранов все меньше	
День Победы	
День памяти	
Ипатова Нина Ивановна (1920-2004)	49
Русокосый солдат	
Светлане	
Шуре Постольской	
В сорок третьем	
Встреча с дочерью	

Ветерану войны Бурцевой Татьяне Возвращение	
Романчин Владимир Петрович	57
Снег Санинструктор	
Страхова Тамара Алексеевна	60
Моему отцу Слушаю детство Память «Село. Попытка к берегу приткнуться...»	
Хоменкина Луиза Михайловна	65
Последнее письмо Памятная килька Судьба женщины	
Сонин Алексей Архипович	71
В день Победы Севастополь Маршал Жуков Воину-освободителю	
Федосеенко Ада Наумовна	76
Военное детство Боль Учитель Письмо от внука	
Берлюкова Таисия Владимировна	82
Ушел отец Праздник Победы Послевоенная весна Землянка У моря	
Гапанюк Валентин Михайлович	87
Патефон в землянке	

Гисс Нина Васильевна	88
Память 22 июня	
У вечного огня	
Шперлинг Алевтина Николаевна	90
Отец и сын	
Сидорака Ирина Андреевна	91
Заветное слово	
Встреча	
Материнская гордость	

«ПАРУС»

№ 3, 2005

**АЛЬМАНАХ ГОРОДСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПАРУС»**

Редактор-составитель и оформитель
П. Е. РЯЗАНОВ.

Члены редколлегии:

Е. Н. ВАНИНА, А. Н. ФЕДОСЕЕНКО, Л. М. ХОМЕНКИНА.

Издатели: **Отдел культуры городской администрации,
Городская литгруппа «Парус».**

Сдано в набор 25.04.2005 г. Подписано к печати 16.05.2005 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура "SchoolBook". Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 5,63. Тираж 100 экз. Заказ № 1187.

Отп. в ГП КО «Л-Кузн. ППО», ул. Белинского, 17, тел. 3-43-91

10 руб. 00 цента
к.п.

